

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

Прот. Г. Дебольский

**О естественном и разумном в
области нравственно-духовной**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1868. № 5. С. 653-672.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2010

О ЕСТЕСТВЕННОМЪ И РАЗУМНОМЪ

ВЪ ОБЛАСТИ ПРАВСТВЕННО-ДУХОВНОЙ.

Современное умственное настроеніе многихъ, стремясь быть естественнымъ и разумнымъ, пустилось преимущественно въ изученіе естества и его механическихъ законовъ, и ввало, какъ это часто бываетъ у людей, въ крайность. Стоя за естественное, механическое, оно отрицаетъ важнѣйшую и главнѣйшую часть его—сверхъ-естественное, свободное, духовное, утверждая, что въ мірѣ все дѣлается одинаковымъ неизмѣннымъ, механическимъ образомъ, а потому всѣ событія въ мірѣ естественны; сверхъ-естественныхъ нѣтъ. Можно бы легко согласиться съ этимъ отрицаніемъ, еслибы въ немъ содержалось желаніе включить въ область естественнаго все, что бываетъ въ мірѣ. Но отрицатели не хотятъ принимать естественное въ смыслѣ широкомъ, возвышенномъ, а стараются отвергнуть, какъ выражаются они, вмѣшательство Творца Вседержителя въ управленіе міромъ, въ которомъ событія высшія, неподходящія подъ обыкновенный механизмъ естества, люди Богодухновенные, а за ними благомыслящіе и разумные находятъ необходимымъ приписать особенному участію Промысла и благодати.

Естественное и сверхъ-естественное въ природѣ, въ исторіи и въ понятіяхъ людей нераздѣльно соединены, сопутствуютъ рука объ руку одно другому, такъ что провести между ними и указать настоящія дѣйствительныя границы, едва ли возможно. По началу своему все въ природѣ и исторіи сверхъ-естественно, потому что обыкновенный, нынѣ существующій и называемый естественнымъ, чинъ движенія и жизни тварей возникъ не случайно, самъ собою, ибо премудроидеальное устройство міра предполагаетъ дѣйствіе не слѣпой случайности, съ которой совершеннѣйшее твореніе несогласимо, но свидѣтельствуетъ о высочайшемъ и всевѣдущемъ творческомъ умѣ. Итакъ, все естественное, по своему началу отъ Бога, сверхъ-естественно, и это, по своему происхожденію сверхъ-естественное, въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи обратилось въ нашихъ понятіяхъ въ естественное. Естественнымъ теперь обыкновенно называютъ то, что бываетъ подъ общеизвѣстными условіями механической силы естества. Привычка видѣть одни и тѣже явленія отъ однихъ и тѣхъ же причинъ дала этимъ явленіямъ названіе естественныхъ. Но сверхъ-естественное начальное возникновеніе тварей предполагаетъ сверхъестественное участіе въ продолженія ихъ существованія. Въ сотвореніи и сохраненіи тварей видна совокупная сила естественная и сверхъ-естественная. Начало тварей неизъяснимо изъ естественныхъ силъ природы: равно необъяснимо изъ естественныхъ причинъ и постепенное умноженіе и сохраненіе родовъ и видовъ тварей. Въ преемственномъ развитіи ихъ изъ первоначально положеннаго сѣмени, въ неизмѣнно продолжающемся управленіи небесныхъ свѣтилъ днемъ и ночью (Быт. 1) и проч. видна воля

и сила того же творческаго ума, который первоначально все основалъ, установилъ и опредѣлилъ. Наше общечеловѣческое внутреннее сознаніе говоритъ намъ, что какъ все произвелъ, такъ все хранить Высочайшій умъ *словомъ силы своей* (Евр. 1, 2—3). Механика естества въ сущности своей есть постоянно-продолжающійся законъ творческой воли и силы, въ которомъ видѣть одну матеріальную сторону значить не замѣчать существеннаго. Въ самыхъ близкихъ намъ естественныхъ дѣйствіяхъ природы мы очень многое безъотчетно называемъ естественнымъ, потому что механическая работа естества не такъ строго подчинена закону непреложной необходимости, какъ механизмъ человѣческаго искусства, въ которомъ все пружины совершенно извѣстны человѣку. Главнымъ и существеннымъ дѣятелемъ въ естественномъ движеніи натуры можно считать условіе, съ которымъ сочетается законъ природы и его матеріальная сила. При множествѣ привходящихъ условій, произведенія естества являются чрезвычайно разнообразны. Напримѣръ законъ природы произращать подчиняется безчисленнымъ условіямъ и поэтому произрашенія, растенія и плоды безконечно разнообразны.

Изъ безчисленныхъ условій, подъ вліяніемъ коихъ совершаются естественныя событія, иныя болѣе явны, открыты, удобопостижимы, а многія невидимы, сокровенны, исключительны, которыя, по непривычкѣ нашей видѣть ихъ въ ряду всегдашнихъ условій и по невозможности обнять ихъ мѣриломъ нашего разума, кажутся необычайными и исключительными, такъ что о многихъ изъ естественныхъ явленій мы не можемъ съ достаточнымъ основаніемъ сказать — естественны они или вышеестественны.

При необъятности причинъ безконечно разнообразныхъ явленій въ мірѣ матеріальномъ и духовнонравственномъ названіе естественныхъ и сверхъестественныхъ въ настоящее время много зависитъ отъ умственного настроенія людей. Для иныхъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, а для большинства, и притомъ для лучшихъ мыслителей, кромѣ естественнаго существуетъ и сверхъ-естественное.

Въ исторіи и природѣ разность между естественнымъ и сверхъестественнымъ всего правильнѣе и легче познается при свѣтѣ Откровенія въ силѣ, служащей знаменіемъ, по которому человекъ трезваго и внимательнаго ума и сердца можетъ и долженъ уразумѣвать Дѣйствующаго, какъ опытный глазъ различаетъ явленія естественныя отъ искусственныхъ, хотя тѣ и другія равно естественны. Неумѣющему отличить плодовъ дерева дикаго въ его состояніи естественномъ отъ плодовъ дерева прививнаго, тѣ и другіе кажутся одинаково естественны: такъ *душевный человекъ неразумлющій того, что отъ Духа Божія* (1 Кор. 2, 14—15), во всѣхъ явленіяхъ природы усматриваетъ только одну внѣшнюю механическую сторону, которую подчиняетъ закону физической необходимости, а что не подходитъ подъ эту норму, то отвергаетъ или перетолковываетъ по своему. Но какъ дѣйствія искуснаго садовника извѣстны многимъ: такъ въ исторіи великаго сада Божія въ человѣчествѣ для нѣкоторыхъ видны и ясны знаменія высшей силы и цѣли, выходящія изъ обыкновеннаго порядка естества, но многими эта сила не примѣчается и даже не предполагается. Ап. Павелъ—учитель вселенной, обозрѣвая естественную исторію іудеевъ и язычниковъ, говоритъ: „въ судьбѣ ихъ видимъ благодѣтельность и строгость

Божію: строгость къ отпадшимъ. т. е. іудеямъ и благость къ язычникамъ. Но и тѣ, т. е. іудеи, если не пребудутъ въ невѣріи, привьются: потому что Богъ силенъ опять привить ихъ. Если язычникъ отсѣченъ отъ дикой по природѣ маслины, и не по природѣ привился къ хорошей маслинѣ: то тѣмъ болѣе сіи природныя привьются къ своей маслинѣ³ (Рим. XI). Тотъ же учитель вселенной въ исторіи человѣчества указываетъ на *велию благодѣтельную тайну* явленія Бога во плоти для искупленія міра (1 Тим. III, 16),—тайну, не примѣчаемую и даже отрицаемую душевнымъ человѣкомъ, тайну сколько насущную, столько и разумновысочайшую, и проч.

Два рода явленій естественныхъ и сверхъестественныхъ, нераздѣльно соединенныхъ въ мірѣ и человѣкѣ, премудро и благотворно соотвѣтствуютъ и удовлетворяютъ двумъ нераздѣльно и необъяснимо связаннымъ сторонамъ человѣческаго существа—тѣлесной и духовной. Всегда присущи и непреодолимы требованія внѣшней стороны: столько же присущи и неотклонимы требованія внутреннія, духовныя. Послѣднія даже требовательнѣе, роднѣе, ближе, необходимѣе человѣку. Первыя суть принадлежности плотской и нисшей жизни: вторыя суть условія жизни высшей, богоподобной, которыя по этому лучше и благороднѣе чувственныхъ и матеріальныхъ. *Духъ есть, иже оживляетъ: плоть не пользуется ничтоже* (Іоан. VI, 63).

Превосходство и преимущество стороны внутренней, духовной, предъ внѣшнею и плотскою яснѣ видны въ наибольшей естественности и разумности первой.

Преимущественная, наибольшая естественность духовнаго и сверхъестественнаго понятна каждому мыслящему человѣку во *всемирной вѣрѣ* всего человѣчества

въ духовное и сверхъестественное. Родъ человѣческій доселѣ не обходился, да никогда и не обойдется безъ духовнаго и сверхъестественнаго, а что такъ необходимо и безъ чего жить вельзя, то по преимуществу естественно, натурально; то-есть всемірный постулатъ челоѳчества.

По этому сверхъестественное, какъ хлѣбъ насущный, какъ самое существенное и по преимуществу естественное намъ, никогда ни старѣется, ни ветшаетъ. но постоянно пребываетъ въ одинаковой свѣжести и животворить. Объ этой сторонѣ естественности. — не старѣемой свѣжести можно судить по ученію, которымъ внутренній духовный челоѳкъ питається и живетъ. Это ученіе библіи — книги книгъ. Библия древнѣе всѣхъ книгъ, но ея ученіе нисколько не устарѣло. При безчисленныхъ ежедневно являющихся челоѳческихъ писаніяхъ, системахъ и ученіяхъ, оно всегда впереди ихъ, всегда новѣе и занимательнѣе, всегда возвышеннѣе и превосходитъ: не признакъ ли это несомнѣнной, истинной чрезвычайной естественности!

Всемірное и неистощимое сокровище: духа и сердца челоѳческаго—сверхъестественное, какъ самое существенное и родное намъ, въ течение вѣковъ и тысячелѣтій, *не теряетъ своей силы и могущества*, а по этому оно по премуществу естественно. Оно своею внутреннею силою *побуждаетъ міръ* (1 Іоан. V, 4). Ученіе Христово о духовномъ невидимомъ и сверхъестественномъ, о царствѣ не отъ міра сего, было столь могущественно и привлекательно, что *мытари и грѣшницы*, — люди, привыкшіе къ своимъ порокамъ и закоснѣвшіе въ нихъ, скорѣе своихъ первосвященниковъ и старѣйшинъ обращались въ царство Божіе (Матѣ. XXI, 31). Слѣдо-

нательно ни глубина грѣхопаденія, ни привычка жизни грѣховной и закоснѣніе въ ней не были сильны отвратить слухъ людей плотскихъ и чувственныхъ отъ проповѣди Христовой. какъ самой естественной и потому могущественной. Если страсти, которыя управляютъ людьми, какъ своими плѣнниками, не сильны бываютъ удерживать ихъ на путяхъ порока: то ясно, что духовное и божественное, для человѣка самое естественное, а плотскія страсти противуестественны. Люди увлекаются страстями и блуждаютъ во мракѣ, но часто естественныя правильныя требованія приводятъ блудныхъ въ чувство, раскаяніе и исправленіе своей жизни; они сбрасываютъ съ себя бремя страстей, какъ не естественное и гибельное.

Естественная сила религіи влечетъ людей на добровольныя за нее страданія и смерть. Конечно, многіе изъ добровольныхъ мучениковъ достойны осужденія, напримѣръ самосожигатели, морельщики и другіе фанатики, которые въ своемъ ослѣпленіи гибли безразсудно, но этотъ фанатизмъ возбуждала въ заблудшихъ доля истины, въ самыхъ заблужденіяхъ ихъ таящаяся. Заблужденіе, въ которомъ нѣтъ этой доли, не можетъ привлечь къ себѣ человѣка и сдѣлать изъ него жертву. Напримѣръ атеизмъ, деизмъ, нигилизмъ и проч. неимѣли и никогда не могутъ имѣть такихъ горячихъ защитниковъ, какъ заблужденія религіи, потому что въ атеизмѣ, деизмѣ, и нигилизмѣ нѣтъ нисколько здороваго матеріала, какъ въ пепелѣ, который не горитъ; потому что въ немъ нѣтъ вещества, а отъ слабаго къ нему прикосновенія разсыпается и разлетается.

Такимъ образомъ все сверхъестественное, даже доля его такъ дорога и сильна, что человѣкъ готовъ

за это жертвовать самымъ первымъ благомъ своимъ— своею жизнью, потому что религія есть настоящая полнота истинной жизни (1 Іоан. 1, 2).

Если духовное и высечувственное преимущественно, наиболѣе естественно, потому что оно всемірно, не ветшаемо и могущественно: то вмѣстѣ оно по преимуществу разумно. Все естественное безъ сомнѣнія исполнѣ разумно, потому что природа устроена *добро зѣло*,— премудро, безъ излишествъ и недостатковъ, въ такой гармоніи, въ которой твари имѣютъ общую и частную цѣль бытія и жизни. Оттого мудрые законы естества, Высочайшею разумною волею въ цемъ положенные, допускаютъ и принимаютъ все разумныя сочетаемыя съ ними человѣкомъ собственные опыты и условія, или отвергаютъ, если эти сочетанія и опыты неразумны. Такимъ образомъ естественное разумно какъ по происхожденію законовъ своихъ, такъ и по допущенію сими законами только разумныхъ опытовъ и сочетаній. Поэтому въ мірѣ физическомъ, устроенномъ Высочайшимъ разумомъ, нѣтъ безсмысленныхъ безцѣльныхъ явленій, какія бываютъ въ дѣйствіяхъ человеческого разума.

Наибольшую разумность сверхъестественнаго можно видѣть въ ученіи библейскомъ.—этой единственной сокровищницѣ духовнаго, сверхъестественнаго. Ученіе библейское разумѣе свободныхъ человѣческихъ ученій по своей внутренней, безпримѣрной, дивной связи, содержащейся въ священныхъ писаніяхъ разныхъ лицъ и временъ, на пространствѣ болѣе полуторы тысячи лѣтъ. Дивная гармонія ученія, совершенно подобная той, какую мы усматриваемъ въ природѣ между растеніями, животными и людьми древними, средними и новыми. Въ

природѣ постоянно одинаковы, при всемъ своемъ разнообразіи, виды и роды тварей на однихъ и тѣхъ же пространствахъ земли. Посмотрите на системы изложенія нравственносвободныхъ ученій человѣческихъ: сколько въ нихъ разногласій, противорѣчій, взаимныхъ гнушеній, униженій, опроверженій, осмѣяній, обличеній! Библейское же ученіе вездѣ одинаково по духу и цѣли своего ученія, какъ произведеніе одного разума.

Строгая внѣшняя связь главнаго библейскаго ученія и признакъ неопровержимой его разумности заключаются въ постепенно уяснительномъ развитіи одной высочайшей идеи побѣды добра надъ зломъ, сотрѣнія главы змія сѣменемъ жены (Быт. 111, 15 Ап. XX, 2, 3.). Все, созданное Богомъ и поврежденное грѣхомъ, освящается во Ісусѣ Христѣ отъ прираженія грѣховнаго и снова покорится Богу. Первое нынѣшнее небо и первая нынѣшняя земля прейдуть и измѣнятся въ *небо ново и землю нову* (Ап. XXI): *вси мы измѣнимся. Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе и смертвенному сему облещися въ безсмертіе. Яко же бо во Адамѣ вси умирають, такожде о Христѣ вси оживутъ. Подобаетъ ему (Христу) царствовать, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своими* (1 Кор. XV, 22 — 25). *Егда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда сбудется слово писанія: пожерта смерть побѣдою. Богу же благодареніе, давшему намъ побѣду Господемъ нашимъ Ісусѣ Христомъ* (1 Кор. XV, 51 — 57). Обѣтованная побѣда увѣнчается тѣмъ, что *Богъ будетъ всяческая во всяхъ* (1 Кор. XV, 28).

Такимъ образомъ въ основѣ библейскаго ученія лежитъ высокоразумная идея постепеннаго освященія, оживленія и одухотворенія или спасенія міра Сыномъ Божиимъ.

Спасительная идея Библии есть такой ясный, всемірный признакъ истины, по которому легко взвѣсить и оцѣнить всякую религію, всякое ученіе и вѣроисповѣданіе. При свѣтѣ библейской идеи становится очевидно и понятно для всѣхъ, что язычество, талмудъ и алкоранъ суть отрывочныя, безжизненныя и безполезныя для человѣка ученія,—не болѣе какъ наросты на деревѣ, его уродующіе.

Упомянутыя религіи въ историческомъ ходѣ событій не что иное какъ Божіи попущенія (Дѣян. XVII, 30), какія замѣчаются ежедневно въ беззаконіяхъ человѣческихъ. Трудно указать какую-либо пользу ученій—языческаго, раввинскаго и магометанскаго, изобрѣтателями которыхъ были люди. Конечно и божественныхъ библейскихъ откровеній провозвѣстниками были также люди—пророки и апостолы, но ихъ ученія истекали изъ мысли о Спасителѣ и создались на Немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ, на которомъ все зданіе христіанства стройно возрастаетъ въ храмъ, посвященный Господу (Еф. 2, 20—21). Одно ученіе безъ Спасителя Бога бесполезно для спасенія. Существенная цѣль религіи быть сокровищницею и проповѣдницею не одного ученія, а главнымъ образомъ нашего спасенія. Иначе религія будетъ не полезнѣе и не выше философской системы, которая обыкновенно только учитъ, но не спасаетъ. Хотя Спаситель есть вмѣстѣ и учитель, но главное и высшее въ Немъ не то, что Онъ учитель, а то, что Онъ Спаситель.

Идея библейскаго ученія можетъ и должна служить лучшимъ критеріемъ безполезности каждой системы философской, особенно въ ея нравственномъ ученіи, которое предъ идеею библии оказывается безжизненнымъ,

мертвымъ умствованіемъ; является отрывочнымъ, одинокимъ, безъ связи и единства съ подобными мудрованіями, мечтательнымъ, притязательнымъ, нерѣдко *взимающимся на разумъ Божій* (2 Кор. X, 5).

Если подвести подъ библейскую идею жизни и спасенія разныя религіозныя лжеученія и исторіи—произведенія вѣрфія и раскола: то разомъ обнаружится въ нихъ полнѣйшая порча животворнаго и спасительнаго ученія Христова и не только ихъ явная бесполезность, но и общественная смертоносная въ нихъ язва.

Даже чистоту христіанскихъ вѣроисповѣданій легко можно повѣрить и оцѣнить по общей идеѣ спасенія, раскрытой въ библии. Этой идеѣ нисколько не удовлетворяютъ язычество, жидовство и магометанство; такъ не вполнѣ осуществляютъ ее даже христіанскія вѣроисповѣданія—лютеранское со всѣми его подраздѣленіями и вѣтвями и латинское или римско-католическое. Въ вѣроученіяхъ и исповѣданіяхъ западныхъ библейская идея спасенія очень отодвинута и затемнена; въ нихъ она занимаетъ не первое и главное мѣсто, а второстепенное. Въ лютеранствѣ на первомъ и главномъ мѣстѣ стоитъ разумъ, которому спасеніе въ Иисусѣ Христѣ слишкомъ подчинено, между тѣмъ какъ разуму слѣдуетъ быть въ послушаніи вѣрѣ во Христа Спасителя, Ходатая и Примирителя Бога и человѣковъ (2 Кор. X, 5. 1 Тим. 2, 5.). Идея спасенія есть идея разума Божія (1 Тим. 2, 4,) а не разума человѣческаго, которому она для его помощи открыта, дана свыше; которому для ея пріобрѣтенія необходимо приложить всевозможное усиліе (Матѣ. XIII, 44, 46) и бдительно охранять и беречь ее, какъ небесное сокровище, неизмыслимое и невмѣстимое. а потому зачастую искажаемое разумомъ. Но проте-

стантскій и реформатскій разумъ чрезвычайно самоу-
правно, вольно и превратно обращается съ религіею спа-
сенія, какъ бы съ своимъ изобрѣтеніемъ, какъ бы съ
ученіемъ человѣческимъ, философскимъ.

Еще превратнѣе ученіе спасенія въ латинствѣ; здѣсь
оно прежде и болѣе всего употребляется къ расширенію
земной власти папы, противной Евангелію и для спа-
сенія во Іисусѣ Христѣ не нужной; вѣроисповѣданіе
латинское есть религія, служебная папѣ, его политикѣ
и главенству. Въ протестантствѣ вѣра Христова обра-
щена въ предметъ человѣческаго разума и называется
обыкновенно не по имени Христа Спасителя, а по
имени реформаторовъ. Въ латинствѣ она превращена
въ орудіе мірской политики и всевозможныхъ ея тон-
костей, иногда въ орудіе лжи и искаженія истины Еван-
гельской, ради усиленія папства. Отношенія папизма
къ прочимъ вѣроисповѣданіямъ христіанскимъ всегда
враждебны, какъ къ непокорнымъ папѣ, хотя и покор-
нымъ Христу. Папизмъ называетъ лютеранство ересью,
не столько потому, что находитъ въ немъ лжеученіе,
сколько и гораздо больше потому, что оно не вѣруетъ
въ папу и не признаетъ его исключительной власти;
вѣроисповѣданіе православное унижаетъ названіемъ
схизмы не потому, что оно отдѣлилось отъ истины
ученія Спасителя, а потому что оно не пристаётъ къ
папству. Между тѣмъ обыкновенный образъ дѣйствія
латинства-ложь ясно открывается въ самыхъ назва-
ніяхъ, которыми Римъ хочетъ унижить вѣроисповѣданія
христіанскія, ему не служебныя.

Называя лютеранство ересью, папизмъ самъ совер-
шенная ересь; нарицая православіе схизмою самъ совер-
шенный расколъ, какъ отдѣлившійся отъ вселенской

церкви во имя папы. Если же библейскую идею спасенія приложить къ православному христіанскому вѣроисповѣданію: то откроется, что спасеніе міра Сыномъ Божиимъ, — эта существенная черта Христіанства въ православной вѣрѣ, — стоитъ въ неприкосновенномъ свѣтѣ, на первомъ мѣстѣ. Глава православной церкви есть Самъ Спаситель, руководитель въ ней не разумъ человѣческій самъ собою, а *разумная свободная вѣра въ слово Откровенія*.

Православные Христіане все свои дѣянія творятъ во имя Христа Спасителя; даже милостыню испрашиваютъ именемъ Христовымъ. Въ церкви православной нѣтъ поклоненія и служенія ни разуму человѣческому, ни человѣку.

Высокая разумность міра духовнаго и сверхъ-чувственнаго, свидѣтельствуя о его несомнѣнной естественности, открывается также въ высотѣ и чистотѣ библейскаго ученія о спасеніи міра. Высота этого ученія особенно видна въ основательномъ и разумномъ рѣшеніи величайшаго вопроса о единственной возможности спасенія міра только чрезъ едивороднаго Сына Божія. *Нѣсть бо иного имени подъ небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о Немъ же подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. IV, 12).

Въ религіяхъ, изобрѣтенныхъ и изобрѣтаемыхъ мудрованіями человѣческаго разума, самый важный и существенный вопросъ о спасеніи обыкновенно оставляется безъ рѣшенія, которое возможно и доступно только христіанству. Язычество, съ своими многочисленными идолами, талмудъ съ своими суевѣрными раввинами, алкоранъ съ своимъ истребительнымъ Магометомъ, лжеучители съ своими мертвящими мечтами и умствованіями, могутъ ли рѣшить вопросъ о вѣчномъ спасеніи міра

безъ ученія Евангелія? Могутъ ли обшщать спасеніе человечеству безъ Спасителя? Вопросъ о спасеніи чрезвычайно высокій разрѣшается въ Библіи знаменательными обширными подробностями, составляющими исторію двухъ завѣтовъ, и вкратцѣ выражается подъ великими изрѣченіями слова Божія: *всѣя благочестія тайна: Богъ явился во плоти* (1 Тим. III. 16). *Въ началѣ бѣ слово, слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово. Слово плоть бысть и вселися во ны, и видѣхомъ славу Ею, славу яко едиnorodнаго отъ Отца, исполнь благодати и истинны* (Іоан. 1, 1, 14).

Естественности и разумности необходимо принадлежитъ высота, а равно и нравственная чистота ученія. Чѣмъ нравственнѣе и чище ученіе: тѣмъ оно вмѣстѣ и разумнѣе. Святость библейскаго ученія, которымъ духовное существо человѣка питается и живетъ, чрезвычайна; она заключается во святой, до полнаго самоотверженія простирающейся, любви къ Богу и ближнему (Іоан. XV. 13), молящейся за враговъ своихъ (Мат. V, 44), не допускающей вида мстительности, не оставивающей на помощи и благорасположеніи расчетливомъ и естественномъ (Лук. V, 1, 27, 35); выражается въ правдѣ промыслительной и издвоздательной по сердечному расположенію и жизни (Матѹ. V, 20) и въ строгомъ нами блюденіи себя не скверными отъ міра (Іоан. 1. 27).

Образецъ этой высокой святости отбрыть намъ не въ одной идеѣ, не въ теоріи безжизненной, но на опытѣ—въ историческомъ лицѣ Спасителя міра, Иисуса Христа, Который свидѣтельствуесть о Себѣ такъ, какъ ни одинъ учитель не имѣлъ силъ того же молвить о себѣ, потому что сказалъ бы ложь: „Я свѣтъ міру:

ходяй по Миѣ не имать ходити во тѣмѣ, но имать свѣтъ животный (Іоан. VIII, 12): Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга: яко же Азъ возлюбихъ вы, да и вы любите другъ друга“ (Іоан. XIII, 34).

По высочайшей святости ученія и жизни Христа Спасителя весьма правильно можно и должно заключать, что Христосъ Спаситель есть Богочеловѣкъ.

Библейское ученіе, а слѣдовательно духовное и сверхъестественное, естественнѣе и разумнѣе того, что обыкновенно называютъ разумнымъ и естественнымъ, и по всемірно-употребительному способу усвоенія его вѣрою. Вѣра и нераздѣльный съ нею авторитетъ умѣстны и употребительны во всякомъ родѣ познаній, въ постиженіи всякаго предмета, хотя въ различной степени.

Вѣра необходима не только при познаніи истинъ откровенныхъ, но и предметовъ видимыхъ и умопостигаемыхъ, потому что нѣтъ на землѣ человѣка, который бы не нуждался въ стороннихъ опытахъ, наблюденіяхъ; нѣтъ человѣка всевѣдущаго, независимо, самостоятельно-и лично наблюдающаго, изслѣдующаго и понимающаго все, что въ мірѣ бываетъ, является и исчезаетъ. Большинство людей полагается на сказанія и извѣстія, сообщаемыя другими лицами, которымъ не вѣрить было бы безразсудно и значило бы не желать знать и пользоваться благами довѣрія: Самые ярые отрицатели вѣры и авторитета непремѣнно исполнены своей оригинальной вѣры въ своихъ вожаковъ и въ высокоумный свой разумъ, которая почти обыкновенно простирается до крайнихъ нелѣпостей ⁽¹⁾.

Особенно требуютъ вѣры науки нравственныя,—нау-

¹⁾ Сг. *Продтеченскаго*: „Публичныя лекція о невѣріи“.

ки опыта и жизни. Каждому самому испытать все еще труднѣе, невозможнѣе, нежели самому независимо все разумомъ обслѣдовать, потому что дѣлу умственнаго познанія много помогаетъ соображеніе разума, которое доступнѣе человѣку, чѣмъ собственное опытное познаніе.

Вѣра сколько естественна по усвоенію предмета столько и разумна по основанію. Она утверждается также, какъ и познаніе разумомъ, на внутреннемъ сознаніи или признаніи. Мы вѣримъ не потому, что другіе намъ говорятъ, сообщаютъ, свидѣлствуютъ, но потому, что мы внутренне признаемъ вѣру въ стороннее свидѣтельство не безразсудною, правильною, достойною. Слушая и читая басни, никто, даже дитя, не повѣритъ баснописцу, что гдѣ нибудь или когда нибудь деревья, птицы, животныя дѣйствительно говорятъ и разсуждаютъ, какъ представляется въ басняхъ.

Внутреннее признаніе—эта необходимая основа и сила вѣры возвышеннѣе и свободнѣе, чѣмъ начало такъ называемое научное, непремѣнно требующее осязательныхъ, математическихъ доказательствъ. При такихъ вещественныхъ основаніяхъ и непреложныхъ законахъ разумъ нашъ зависитъ не отъ себя, а отъ необходимыхъ по симъ законамъ выводовъ, которые сами собою слѣдуютъ изъ данныхъ пріемовъ и положеній и иными быть не могутъ, если пріемы и вычисленія вѣрны. Такимъ образомъ работы разума, управляемая и руководимая законами необходимости, невольны и принужденны.

Тотъ же разумъ, но въ области нравственной, духовной и религіозной, дѣйствуетъ свободнѣе, нежели въ мірѣ видимомъ и вещественномъ, и свобода вѣры благо-

роднѣ свободы разума въ истинахъ откровенія. Свобода вѣры полагается болѣе на высшій авторитетъ, а свобода разума на себя. Довѣріе разума себѣ неизбѣжно сопровождается вліяніемъ страстей, часто столь тонкимъ, что самъ судья не замѣчаетъ этого зловреднаго тяготѣнія. Дѣятельность разума вообще рабская, не свободная, ограничивается или законами необходимости въ познаніи предметовъ опыта, или страстями въ сужденіяхъ своихъ о предметахъ нравственно-духовныхъ и святыхъ. Слѣдовательно одна вѣра свободна, а знаніе разума необходимость. Путь вѣры естественнѣе и законнѣе путей разума, въ міръ откровенія, религіи и нравственности. Для разума предѣлы видимые—небо и земля, а небо духа, сердца, религіи, истинной свободы и нравственности свое—въ области вѣры. Для двухъ природъ духа и вещества равно необходимы и существенны и вѣра и разумъ. только каждому надобно господствовать въ своемъ царствѣ. Иначе, когда два способа познанія—разумъ и вѣра—вмѣшиваются въ чужія области и дѣла, всегда происходятъ противорѣчія, путаница и зло.

Замѣчательно, что люди разума здороваго и могучаго всѣ признають вѣру за необходимый, самый естественный и самый приличный способъ познанія и усвоенія истинъ вѣчныхъ, небесныхъ и святыхъ; а дѣятельность разума ограничиваютъ видимымъ и вещественнымъ міромъ, для зрѣнія котораго соотвѣственное у человѣка око есть разумъ, а для видѣнія міра духовнаго наилучшее око у человѣка есть вѣра. При томъ вѣра правильнѣе, дальновиднѣе, возвышеннѣе, глубже, гармоничнѣе и благороднѣе видитъ и постигаетъ свои предметы, нежели разумъ свои.

Ученіе библейское, или ученіе вѣры, какъ самое естественное и разумное, всегда занимало и должно занимать первое и самое почетное мѣсто относительно разума по своему просвѣтительному вліянію на науки нравственныя, литературныя, художественныя, и политическія. Самое полезное въ нихъ вышло не изъ разума, а отъ вѣры—изъ нѣдръ христіанства, которое есть родитель лучшихъ, высшихъ, нравственныхъ знаній и дѣйствій, въ чистомъ естественномъ видѣ. Разумъ, самъ собою дѣйствующій, вносить въ царство Божіе только порчу и запустѣніе. Напримѣръ, христіанство, какъ религія чистѣйшей гуманности, сдѣлало человѣка полнымъ, цѣлымъ, совершеннымъ; доставило человѣческое достоинство женамъ, дѣтямъ и рабамъ. Но, почерпнувъ свое ученіе о гуманности въ христіанствѣ, современный разумъ прилагаетъ свою гуманность къ жизни не въ духѣ христіанства. Разумъ не различаетъ, а больше путаетъ гуманность христіанскую съ своею искусственною; очень высоко ставитъ свое пороcho естественное, независимое отъ христіанства добро и при этомъ отнимаетъ у христіанства его высокое назначеніе исправлять, улучшать нравственное состояніе человѣка. Гуманность, или лучше человѣколюбіе христіанское, гораздо чище, выше и естественнѣе гуманности разума. Последняя есть добро природы грѣховной, добро плотское, гражданское, формальное; первая есть добро во имя Христа, духовное, священное, по внутренней христіанской любви. Человѣческое достоинство возстановлено въ женщинахъ, дѣтяхъ и въ слугахъ не гуманностію разума, которая не восходитъ выше языческой, а человѣколюбіемъ христіанства, которое милосердствуетъ и сострадаетъ человѣку истинно, отъ сердца,

по вѣрѣ во Христа, а не играя и забавляясь. Гуманность разума никогда не дойдетъ до самоотверженія и слѣдовательно до человѣколюбія христіанскаго. Такъ начала гуманности разумъ заимствуетъ изъ чистѣйшаго источника — изъ ученія Евангелія, но, дѣйствуя внѣ его, искажаетъ и унижаетъ милосердіе христіанское.

Христіанство есть религія истинной свободы. Оно понимаетъ вѣру, какъ дѣло свободы нравственной, — преимущественно внутренней, свободы отъ грѣха, и ведетъ вѣрующихъ къ свободѣ чадъ Божіихъ (Іоан. VIII, 36), — и за тѣмъ къ свободѣ внѣшней. Духъ христіанской свободы побѣждаетъ рабство, дѣйствуя на внутреннее настроеніе человѣка и способствуя къ признанію права личности въ гражданскомъ обществѣ. Но современная свобода разума страстнаго ищетъ совершеннаго отрѣшенія отъ божественнаго порядка, сбросить съ себя всякую зависимость: а это въ сущности не свобода, а оковы, которые съ поправленіемъ всякой зависимости человѣкъ непременно возлагаетъ на себя и другихъ. Такъ разумъ, предоставленный самому себѣ, и начала свободы, заимствованныя изъ Евангелія, вводя въ свою отрѣшенную отъ Евангелія область, искажаетъ и унижаетъ истинную свободу.

Точно также, какъ начала гуманности и свободы христіанской, разумъ портитъ и уменьшаетъ сумму образованія человѣка. Полагая въ основаніе воспитанія и образованія религію или законъ Божій, разумъ на дальнѣйшемъ просвѣтительномъ пути дѣлаетъ образованіе при всемъ широкомъ, распространенномъ умственномъ кругозорѣ, очень одностороннимъ по отношенію къ его чистому источнику. Образованіе, особенно современное, не стараются, гдѣ можно и нужно, примирять съ От-

кровеніемъ, и потому въ наши дни образованные и ученые люди встрѣчаются на практикѣ односторонними, мнимо—учеными, или, по боговдохновенному выраженію ап. Павла, *всегда учащеся и николи же въ разумъ истины пріити моущія* (2 Тим. III, 7). И якоже не *искусна имѣти Бога въ разумъ* (Рим. 1, 28); то нравственно свободныя понятія, сужденія и жизнь современныхъ мнимоученыхъ идутъ болѣею частію въ противорѣчіи, въ разладѣ и съ церковностію и съ народностію и даже съ общимъ смысломъ. Для нихъ нравственно просвѣтительная и духовно руководительная книга Откровенія страна невѣдомая; сами они служатъ и поклоняются богу невѣдомому.

Этотъ разладъ религіи и разума всеобщій, но у насъ—русскихъ—онъ ощутительнѣе, потому что образованіе и ученость русскихъ не самостоятельны, а слѣпоподражательны. Сами мы не думаемъ, а предоставляемъ думать за себя иноземнымъ философамъ и ожидаемъ, чтобы всецѣло принять то, что они выдумаютъ. Слѣпоподражательныя черты нашего образованія и учености видны особенно въ безчисленныхъ русскихъ переводахъ Фейербаховъ, Бюхнеровъ, Фохтовъ, Малешотовъ, Дарвиновъ и подобныхъ умствователей. Самые простые люди изъ нашихъ соотечественниковъ знаютъ имена сихъ просвѣтителей русскаго ума, потому что непрестанно слышать объ нихъ отъ нашихъ книжниковъ и писателей, которые читаютъ и переводятъ писанія съ иностранныхъ языковъ на русскій съ полною вѣрою въ авторитетъ писателей и въ содержаніе ихъ произведеній, хотя бы оно было самое безразсудное и нелѣпое.

Прот. Г. Дебольскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки